

ПУЛЬС МОРСКОГО СЕРДЦА

Ирина Васильева

Ирина Васильева

Пульс Морского Сердца.

<https://litres.ru/74133062>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сын рыбака Захар Ильин мечтает о море, но его мир рушится, когда отец, честный капитан, попадает в тюрьму по ложному обвинению. Захар клянется вернуть отцу свободу, но для этого ему придется вступить в смертельный танец с законом, пиратами и древними силами, которые правят океаном.

Вооружившись лишь кодексом чести и талантом к мореплаванию, Захар собирает разношерстную команду: бывалый моряк Кузьма, бесстрашный юнга Тимур, целительница Лина и красавица-навигатор Марта. Вместе они захватывают корабль, чтобы добыть доказательства невиновности отца.

Но их судно — не обычное судно. В сердце корабля бьется древний симбионт, созданный загадочной цивилизацией. Он дарит «Стреле» невероятную скорость и живучесть, но требует платы. Захар становится его проводником, а Лина — жертвой, слышащей шепот мертвых моряков.

Содержание

Глава 1. Приговор, высеченный в камне.	4
Глава 2. Пять душ для «Стрелы».	14
Глава 3. Проба сил и первый шторм.	25
Подглава 3.1. Костяной берег и пробуждение джунглей.	35
Подглава 3.2. Хозяева острова и тайна лагуны.	44
Глава 4. «Морской дракон» и кодекс чести.	54
Глава 5. Тень над Тортугой.	62
Подглава 5.1. Шёпот в темноте и цена информации.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пульс Морского Сердца.

Глава 1. Приговор, высеченный в камне.

Соль. Этот запах был первым, что Захар ощущал, открывая глаза каждое утро. Он вьелся в доски старого рыбацкого дома, в одежду, в самую кожу. Соль и запах гниющих водорослей, выброшенных на берег ночным штормом. Для любого другого это был бы смрад запустения, но для Захара это был запах дома. Запах свободы. До сегодняшнего дня.

Двадцать лет. Ровно столько он прожил в этом портовом городке, примостившемся у подножия скалистого мыса. Городок не имел громкого имени, его не наносили на карты важные капитаны, но для Захара он был целым миром. Миром, который сегодня утром треснул по швам, как старая парусина.

Он стоял на крыльце, сжимая в побелевших от напряжения пальцах смятый листок бумаги — копию судебного постановления. Буквы расплывались перед глазами, но он знал их наизусть. «Незаконный ввоз товаров... Контрабанда... Конфискация имущества... Пять лет каторжных работ». Пять лет. Его отец, Илья Захарович, человек, который никогда в жизни не взял чужого и не сказал кривого слова,

отправлялся на каторгу.

Всё началось с «Морской ласточки». Это было небольшое торговое судно, зашедшее в порт три недели назад. Отец Захара подрядился помочь с разгрузкой ящиков с пряностями. Обычная подработка для рыбака в межсезонье. Но когда таможенники поднялись на борт, они нашли в трюме то, чего там быть не должно было — бочонки с запрещённым к ввозу ромом и тюки с краденым шёлком. Капитан судна, скользкий тип по фамилии Грюнвальд, клялся и божился, что ничего не знал. Он обвинил во всём команду и, чтобы спасти собственную шкуру, указал на Илью как на организатора «схемы». Якобы именно рыбак свёл его с поставщиками.

Захар знал правду. Отец работал в доках от зари до зари, чтобы накопить на новую лодку — их старая «Касатка» дышала на ладан. Он не мог быть замешан в этом. Но судья, старый приятель городского головы и купцов, даже не стал слушать. Доказательства были косвенными, но достаточными для приговора. А Грюнвальд? Он заплатил штраф и через два дня поднял паруса, растворившись в утренней дымке.

— Захар! — раздался за спиной тихий, надломленный голос матери.

Он обернулся. Анна стояла в дверном проёме, кутаясь в старую шаль. Её глаза, обычно ясные и живые, сейчас казались двумя потухшими угольками. Она смотрела не на сына, а на бумагу в его руке.

— Они забрали его сегодня на рассвете. Я даже не успе-

ла... — её голос сорвался.

Захар сжал кулак так сильно, что костяшки хрустнули. Листок жалобно затрещал. — Это ошибка, мама. Я докажу им. Я найду этого Грюнвальда и заставлю его говорить правду. — Тише, сынок, — Анна подошла ближе и положила свою ладонь на его сжатый кулак. Её рука была холодной. — Ты ничего не добьёшься криком. Судья Корнеев глух к словам таких, как мы. У него свои интересы. — Тогда я заставлю его услышать! — прорычал Захар, сбрасывая её руку. Ярость клокотала в нём, ища выход. — Я пойду к нему прямо сейчас!

Он сбежал с крыльца и направился к центру города, туда, где за высокой каменной оградой возвышался особняк судьи. Дом Ильи стоял на окраине, у самого порта, где воздух был пропитан рыбой и машинным маслом. Дом судьи находился на Холме Ветров — элитном районе для тех, кто считал копейки не в своих кошельках. Путь туда лежал через узкие улочки ремесленного квартала.

Захар шёл быстро, не разбирая дороги. Он толкнул плечом торговку рыбой, едва не опрокинув её корзину. — Эй, полегче! — взвизгнула женщина. — Прости! — бросил он через плечо, не останавливаясь.

Он чувствовал себя загнанным зверем. Мир вокруг казался враждебным и несправедливым. Вот из пекарни пахло свежим хлебом — запахом достатка и спокойствия, которого у них больше не было. Вот из-за угла вывернул патруль

городской стражи — двое дюжих молодцов в начищенных кирасах. Они проводили Захара тяжёлыми взглядами. Для них он был просто ещё одним оборванцем из доков.

Особняк судьи Корнеева действительно выглядел неприступной крепостью. Двухэтажный дом из серого камня с маленькими окнами-бойницами был обнесён трёхметровым забором с острыми пиками наверху. У ворот лениво прохаживался стражник.

Захар остановился у ограды напротив дома. Он смотрел на эти холодные стены и впервые за утро почувствовал не только ярость, но и бессилие. Что он может сделать? Он — двадцатилетний рыбак без денег и связей. Его слово против слова капитана торгового судна? Смешно.

Он пнул ногой ни в чём не повинный камень. Тот отлетел от мостовой и ударился о решётку ворот. Стражник лениво повернул голову. — Чего уставился? Иди отсюда, пока не забрали за бродяжничество.

Захар сплюнул на мостовую и пошёл прочь. Ярость никуда не делась, но теперь к ней примешивалось горькое отчаяние. Он шёл обратно к порту, сам не зная зачем. Ноги сами принесли его к причалу номер семь — тому самому месту, где неделю назад стояла «Морская ласточка».

Причал был пуст. Лишь пара чаек дралась из-за рыбеёйtreбухи у кромки воды. Волны лениво бились о сваи, издавая глухой, монотонный звук: *шлеп... шлеп... шлеп*. Этот звук сводил с ума.

Захар подошёл к самому краю деревянного настила и устоялся на тёмную воду внизу. «Как мне заставить их слушать? Как доказать правду?» — мысли бились в голове в такт ударам волн.

Внезапно его внимание привлекло движение внизу. У самой кромки воды, там, где причал уходил под воду во время прилива, сидел человек. Он был одет в лохмотья неопределённого цвета и казался частью этого места — таким же старым и обшарпанным, как полусгнившие доски причала.

Человек методично чинил старую рыбацкую сеть. Его руки двигались с удивительной ловкостью и точностью, завязывая сложные узлы так быстро, что глаз едва успевал следить за ними. Рядом с ним лежал потёртый деревянный ящик с инструментами и стояла жестяная кружка.

Захар присмотрелся внимательнее. Лицо незнакомца было изрезано глубокими морщинами, словно кора старого дуба. Седая борода была всклокочена, а один глаз закрывала плотная чёрная повязка. Второй глаз — пронзительно-голубой — смотрел прямо на Захара с пугающей ясностью.

— Чего застыл? — голос у незнакомца был хриплым и скрипучим, как несмазанная дверь. — Рыбу распугаешь своим кислым видом.

Захар вздрогнул от неожиданности. — Я... я не распугиваю рыбу. — Ещё как распугиваешь. От тебя за версту несёт бедой и несправедливостью. Такой запах даже самая глупая треска учует и уплывёт подальше.

Захар нахмурился. Ему не хотелось вступать в разговоры со старым бродягой. — Ты кто такой? — Кто я такой? — старик хмыкнул и ловко затянул узел. — Я тот, кто видел больше штормов, чем ты видел рассветов. Я тот, кто знает цену каждому слову судьи Корнеева и честности капитанов вроде твоего Грюнвальда.

Захар замер. — Ты знаешь Грюнвальда? — Знаю ли я эту скользкую медузу? О да. Капитан «Морской ласточки» любит представляться честным торговцем пряностями из южных колоний. Но я-то знаю его настоящее имя и то, какие грузы он предпочитает возить под фальшивым дном трюма уже лет десять как минимум.

Сердце Захара пропустило удар. — Ты можешь это доказать? Старик перестал работать и поднял на него свой единственный глаз. В нём плясали искорки веселья и чего-то ещё... похожего на уважение к юношеской горячности. — Доказать? Мальчик мой, доказательства стоят денег или требуют силы. У тебя есть золото? Или отряд головорезов? — Нет... У меня есть только правда! Старик тихо рассмеялся, но смех быстро перешёл в надсадный кашель. — Правда? Правда — это самый дешёвый товар в этом мире. Её никто не покупает без веских аргументов в придачу. Твой отец уже заплатился за чужую ложь своей свободой. Хочешь пойти за ним?

Слова старика ударили сильнее пощёчины. Захар почувствовал, как к горлу подступает комок обиды и злости на са-

мого себя за беспомощность. — Я должен что-то сделать! Я не могу просто так это оставить!

Старик отложил сеть в сторону и медленно поднялся на ноги. Он оказался неожиданно высоким и жилистым. От него пахло табаком крепкой махорки и морской водой. — Должен? Или хочешь? Есть разница между долгом сына и жаждой мести мальчишки. — И то, и другое! Я хочу справедливости!

Старик сделал шаг вперёд и оперся рукой о столб причала рядом с Захаром. — Справедливости... Слышал я это слово много раз от таких же юнцов с горящими глазами. Знаешь, что я им отвечал? Что справедливости нет ни в порту у таможенников, ни в залах суда у судей в париках. Справедливость нужно брать самому.

Он наклонился ближе к уху Захара и понизил голос до шёпота: — Чтобы заставить судью Корнеева слушать тебя всерьёз... чтобы твой голос стал громче пушечного залпа... тебе нужен свой корабль и своя команда людей, которым нечего терять так же, как и тебе. Захар отшатнулся от него так резко, что чуть не потерял равновесие на мокрых досках. — Ты предлагаешь мне стать пиратом?

Старик оскалился в широкой улыбке, обнажив ряд крепких зубов. — Пиратом? Нет-нет-нет... Пираты грабят ради наживы ради рома ради женщин... Это удел глупцов или зверей в человеческом обличье. Я говорю о другом пути... О пути свободного капера или корсара под собственным фла-

гом о тех кто устанавливает свои законы там где закон бес-
силен о тех чей голос заставляет дрожать сильных мира сего
потому что за этим голосом стоит реальная сила а не пустые
слова

Он выпрямился во весь рост и окинул взглядом горизонт
где море сливалось с серым небом.

— Чтобы найти правду о «Морской ласточке», тебе нуж-
но найти самого Грюнвальда. А этот червяк прячется там,
куда не сунется ни один таможенный бриг. Он прячется в
Туманной бухте, среди рифов Черного мыса. Там его логово.
И туда можно попасть, только имея быстрый корабль, кото-
рый знает эти воды как свои пять пальцев.

Захар смотрел то на старика, то на море. Он чувствовал,
как внутри него происходит какой-то тектонический сдвиг.
Ярость никуда не делась, но теперь она смешалась с холод-
ным расчетом. Идея была безумной, опасной, но она давала
надежду. Это был план. План, который мог сработать.

Он снова посмотрел на незнакомца. Тот уже снова сидел
на своем месте и невозмутимо раскуривал глиняную трубку,
выпуская клубы едкого дыма, которые тут же уносил ветер.

— Кто ты? — снова спросил Захар, уже тише, почти с
благоговением.

Старик выпустил колечко дыма, которое медленно поплы-
ло над водой, прежде чем раствориться.

— Меня зовут Кузьма, — сказал он наконец, не отрывая
взгляда от горизонта. — Бывший штурман каперского бри-

га «Неистовый». А теперь просто старый бродяга, чинящий сети. Но я всё ещё помню карты. И я всё ещё помню вкус настоящей свободы.

Захар стоял молча. Ветер трепал его волосы. Солёные брызги оседали на лице. Решение было принято. Оно еще не оформилось в четкие мысли, но оно уже жило в нем, сжигая все сомнения.

Он развернулся, чтобы уйти, но остановился.

Кузьма окликнул, его не оборачиваясь:

— Если решишься, приходи завтра на рассвете к старой пристани за складами купца Еремеева. Там стоит баркас «Стрела». Он старый, но еще крепкий. И там будет тот, кто знает о море больше, чем все судьи этого города вместе взятые.

Захар кивнул сам себе, хотя старик этого не видел. Он быстрым шагом пошел прочь от причала номер семь. Домой он уже не пошёл. Его путь лежал через весь город: мимо богатых особняков, мимо шумного рынка, мимо здания суда, где за толстыми стенами вершилась «справедливость».

В его голове рождался план. Безумный, отчаянный, но единственно верный план, который мог вернуть ему отца. Который мог заставить этот город услышать его имя.

На город опускались сумерки. Зажигались первые фонари. А Захар шёл вперед навстречу шторму, который он сам собирался поднять. И он знал, что завтра на рассвете он будет там, где ему велел быть старый моряк Кузьма. Потому

что иногда, чтобы добиться справедливости, нужно выйти за рамки закона. Потому что иногда, чтобы тебя услышали, нужно стать громом.

Глава 2. Пять душ для «Стрелы».

Восточный горизонт только-только начал наливаться предрассветной синевой, когда Захар, продрогиший до костей, добрался до старой пристани. Город еще спал, окутанный густым, как молоко, туманом, который полз от воды, скрывая очертания складов и мачты пришвартованных судов. В этой влажной пелене мир казался нереальным, подвешенным между сном и явью. Воздух пах сырой древесиной, тиной и чем-то еще — терпким, сладковатым ароматом, который Захар не мог распознать.

Там, где и сказал Кузьма, у самого края гниющего причала, покачивался на воде баркас. «Стрела». Название, вышитое на выцветшем борту, едва угадывалось под слоями соли и грязи. Судно выглядело жалко: облупившаяся краска, порванные в нескольких местах паруса, сложенные как попало на палубе. Казалось, дунь посильнее — и эта посуда просто развалится на части и пойдет ко дну. Захар на мгновение усомнился. Неужели на этом корыте можно выйти в открытое море? Неужели этот план — не горячечный бред?

— Пришел всё-таки, — раздался за его спиной знакомый скрипучий голос.

Кузьма сидел на перевернутой бочке у стены склада. Он был одет в тот же драный тулуп, а рядом с ним стояла дымящаяся жестяная кружка. От неё-то и исходил тот самый

сладковатый аромат — травяной отвар.

— Я думал, ты шутил про корабль, — глухо сказал Захар, не отрывая взгляда от «Стрелы».

— Я похож на шутника? — Кузьма хмыкнул и сделал глоток. — Внешность обманчива, парень. Под этой коростой грязи и гнили скрывается крепкий костяк. Дубовый киль, который еще помнит шторма. Этот баркас строили для каботажного плавания в северных водах. Он вынослив. А остальное... — старик небрежно махнул рукой в сторону парусов и такелажа. — Остальное — дело наживное. И рук.

— Моих рук? — Захар с сомнением посмотрел на свои ладони. Он умел вязать морские узлы и знал, с какой стороны подходить к веслу, но назвать себя мастером корабельных дел не мог.

— Твоих и ещё нескольких. Одному тебе здесь делать нечего. Ты можешь быть храбрым как лев и правым как судья небесный, но в одиночку ты не поднимешь парус и не удержишь штурвал в шторм. Тебе нужна команда.

— Команда? — Захар горько усмехнулся. — Кто пойдет за мной? Я никто. Сын рыбака, у которого отца только что упекли на каторгу.

— Ты — человек с целью, — серьезно ответил Кузьма. — А это притягивает других людей с целями. Или без них, но с надеждой их обрести. Смотри.

Старик достал из-за пазухи потрепанную подзорную трубу и протянул её Захару.

— Наведи-ка вон туда.

Захар приложил окуляр к глазу. Туман немного рассеялся, и сквозь него проступили очертания соседнего причала, где стоял торговый бриг «Счастливичик Ганс». На его палубе кипела ранняя работа: матросы таскали ящики, боцман раздавал зуботычины.

— Видишь парня у грот-мачты? Худой такой, в синей рубахе? Это Тимур. Бывший юнга с «Ганса». Капитан его выгнал за то, что он заступился за кока, которого боцман избил палкой за пересоленную кашу. Парень честный до мозга костей. И ловкий как обезьяна. Он нам пригодится.

Захар опустил трубу и посмотрел на Кузьму.

— Один есть. А остальные?

— Остальные сами тебя найдут. Или мы их найдем. Начнем с самого важного.

Кузьма тяжело поднялся с бочки и подошел к борту «Стрелы». Он похлопал ладонью по гнилым доскам обшивки.

— Нам нужен тот, кто вдохнет в неё жизнь. Тот, кто сможет починить этот такелаж так, чтобы он не лопнул от первого же порыва ветра. Нам нужен кузнец.

Спустя час они стояли у приземистого здания кузницы на окраине ремесленного квартала. Из трубы валил густой черный дым — верный признак того, что хозяин уже вовсю работал. Кузьма без стука толкнул тяжелую дубовую дверь.

Внутри было жарко как в аду. Огромный горн дышал ог-

нем, в углу шипела бочка с водой для закалки металла. Посреди всего этого грохота возвышалась гора мышц по имени Борис.

Он был молод, может, года на три-четыре старше Захара, но выглядел как настоящий великан из сказок. Его обнаженный по пояс торс блестел от пота и сажи, а могучие руки играючи поднимали пудовый молот. Сейчас он плющил раскаленную заготовку подковообразной скобы для корабельного якоря.

Услышав скрип двери, Борис обернулся. Его лицо было суровым и сосредоточенным.

— Чего надо? — пробасил он, вытирая лоб предплечьем.

Кузьма вышел вперед.

— Дело есть к тебе, Борисушка.

— Нет у меня дел ни с кем, — отрезал кузнец и снова повернулся к наковальне.

Захар шагнул из-за спины старика.

— Нам нужен мастер по металлу. Для корабля.

Борис замер с молотом в руках. Он медленно опустил его на наковальню и развернулся всем корпусом. Его взгляд был тяжелым и недоверчивым.

— Для какого еще корабля?

Захар набрал в грудь побольше раскаленного воздуха кузницы.

— Для моего. Я Захар. И я собираюсь найти человека, который подставил моего отца и отправил его на каторгу.

В глазах Бориса что-то промелькнуло. Интерес? Сочувствие? Он смерил Захара оценивающим взглядом с ног до головы.

— Благородно. Но глупо. И при чем здесь я?

— При том, что без тебя мы не выйдем из гавани даже на кабельтов! — неожиданно рявкнул Кузьма так, что даже Борис вздрогнул. — Посмотри на этого сопляка! У него в глазах огонь ярче твоего горна! Он готов перевернуть мир ради правды! А ты? Ты прячешься здесь от ростовщиков? Или от своей совести? Ты лучший кузнец в городе! Твои якоря держат самые тяжелые суда! Но ты тратишь свой дар на скобы для чужих кораблей!

Борис молчал долго. Он смотрел то на Захара, то на Кузьму, то на огонь в горне.

— У меня долги... — наконец глухо проговорил он.

— Мы их выплатим! — тут же выпалил Захар. — Как только найдем сокровища или... или что-нибудь ценное!

Борис усмехнулся уголком рта — впервые за весь разговор.

— Сокровища? Вы двое похожи на безумцев больше, чем я думал.

Он взял со скамьи чистую тряпку и вытер руки.

— Ладно... Я пойду с вами. Но учтите: я здесь ради дела и ради того, чтобы убраться из этого города подальше от людей, которым я должен деньги и которые не любят ждать возврата долгов. Если ваш корабль пойдет ко дну — это бу-

дет ваша вина.

Он бросил молот на пол с такой силой, что тот оставил вмятину в земляном полу.

— Когда отплываем?

Кузьма расплылся в беззубой улыбке.

— Как только соберем остальных и раздобудем провиант.

Идемте к Марте.

Марта жила в мансарде старого дома смотрителя маяка на самой вершине мыса. Чтобы добраться туда от кузницы, пришлось карабкаться по узкой винтовой лестнице внутри башни маяка. С каждым витком ветер становился всё сильнее, а вид на город и бухту открывался всё величественнее.

Дверь им открыла сама Марта. Она была полной противоположностью могучему Борису: тонкая, изящная девушка лет восемнадцати с копной непослушных рыжих волос и пронзительными зелеными глазами. В руках она держала толстую книгу в кожаном переплете — «Морской альманах».

Увидев Бориса в дверном проеме (он едва помещался в узком коридоре), она удивленно приподняла бровь.

— Ого... Надеюсь, лестница выдержала твой вес?

Борис смущенно кашлянул и пробасил:

— Выдержала... пока что.

Марта перевела взгляд на Захара и Кузьму.

— Чем обязана визиту столь странной компании? Кузьма?

Я думала, ты давно ушел на дно кормить крабов.

Старик хохотнул:

— Крабы подождут моего визита еще лет двадцать. А вот этому молодому человеку нужна твоя помощь прямо сейчас.

Захар выступил вперед.

— Меня зовут Захар...

Он рассказал ей ту же историю: про отца-судью Грюнвальда и план найти капитана «Морской ласточки». Марта слушала молча, постукивая пальцами по корешку книги. Когда он закончил, она долго смотрела в окно на просыпающийся город внизу.

— Мой отец был капитаном дальнего плавания... пока не погиб во время шторма у мыса Горн два года назад, — тихо сказала она наконец. — Он научил меня читать карты по звездам и понимать язык моря. Но что я могу сделать для вас?

— Нам нужен штурман! — воскликнул Кузьма раньше Захара. — Настоящий! А эта пигалица знает навигацию лучше половины капитанов в этом порту! Нам нужно найти Туманную бухту! Нам нужно проложить курс так, чтобы нас не поймали патрульные бригады!

Марта медленно закрыла книгу и положила её на столик у окна. В её глазах зажегся огонек азарта — тот же самый огонек, который горел во взгляде Захара там, на пристани.

— Туманная бухта... Да... Там очень коварные течения и рифы... Отец всегда обходил это место стороной... Говорил, что там живет смерть... — она улыбнулась неожиданной дерзкой улыбкой. — Значит, нам нужно быть умнее

смерти?

Она подошла к старому сундуку в углу комнаты и откинула крышку.

— У меня есть секстант отца... И его карты... Те самые, которые он прятал от таможенников... Там отмечены все тайные проходы...

Она выпрямилась, держа в руках тяжелый латунный прибор для навигации.

— Я с вами.

Последним пунктом их странного путешествия стала аптека старого Густава в нижнем городе. Это было мрачное место: низкие потолки заставлены стеллажами с пыльными склянками всех форм и размеров; под потолком сушились связки трав; пахло сушеными кореньями, мятой и чем-то едким химическим.

За прилавком стояла Лина — помощница аптекаря Густава или его племянница (в городе ходили разные слухи). Она была бледной девушкой с длинными черными волосами и огромными темными глазами, которые казались слишком большими для её худого лица. Она всегда молчала или говорила односложно, предпочитая возиться со своими травами и ступками.

Когда вся компания ввалилась в тесную аптеку (Борису пришлось пригнуться), Густав недовольно выглянул из задней комнаты:

— Что за нашествие? Лина! Почему ты пускаешь этих

громил?

Лина даже не повернула головы от своего рабочего стола, где она перетирала в ступке какие-то травы пестиком из слоновой кости.

— Они со мной уйдут ненадолго по важному делу.

Густав побагровел:

— Что?! Ты никуда не пойдешь! У меня заказ на микстуру от кашля для судьи Корнеева!

Лина впервые подняла глаза от работы и посмотрела прямо на хозяина аптеки. Её взгляд был спокойным и холодным как ледяная вода зимнего моря.

Густав осекся на полуслове. Он открыл рот, но не издал ни звука, лишь махнул рукой и скрылся за дверью склада, бормоча что-то себе под нос под общий смех Тимура (который присоединился к ним по дороге).

Лина вытерла руки о передник и подошла к ним ближе.

— Я слышала о твоём отце... Захар... Мне жаль...

Её голос был тихим шелестом листвы.

Захар кивнул:

— Спасибо... Лина... Ты пойдешь с нами?

Она обвела взглядом всю пеструю компанию: огромного Бориса со шрамом через всю щеку; Марту с секстантом наперевес; хитро улыбающегося Тимура; сурового Кузьму; самого Захара с горящими глазами предводителя бунта.

На её бледных губах промелькнула едва заметная тень улыбки — первая улыбка за все время их знакомства для

любого из них.

— Куда же я денусь? На корабле всегда должен быть лекарь... И тот, кто знает свойства трав не только для лечения кашля у судей...

Она кивнула своим мыслям:

— Я соберу свои запасы... И немного того... от чего у судей бывает несварение желудка вместо крепкого сна...

К вечеру того же дня вся команда собралась на борту «Стрелы». Борис уже успел укрепить несколько досок обшивки своим могучим молотом прямо здесь же на причале (перепугав до полусмерти портового грузчика). Марта колдовала над картами при свете фонаря в капитанской каюте (которая представляла собой просто отгороженный досками угол). Тимур лазил по мачтам как паук-альпинист, проверяя снасти. Лина аккуратно расставляла свои склянки в нише под палубой рядом с запасами солонины и сухарей (которые они раздобыли частично честным путем).

Захар стоял у штурвала (который Кузьма уже успел смазать) и смотрел на свою команду. Еще вчера он был одиноким сыном рыбака с разбитым сердцем и пустыми руками. Сегодня вокруг него стояли люди: сильный кузнец-беглец; дочь капитана-навигатора; ловкий юнга-правдолюбец; тихая знахарка; мудрый одноглазый старик-мореход...

Они были разными людьми из разных миров города, которых никогда бы не свела вместе обычная жизнь. Но их объединило одно общее чувство — несправедливость этого ми-

ра и жажда свободы от него.

Кузьма подошел к нему сзади и встал рядом у штурвала.

— Ну что, капитан? Команду собрали? Корабль готов?

Захар глубоко вдохнул соленый морской воздух впере-
мешку с запахом свежей смолы от латок Бориса и сладким
ароматом трав Лины из трюма. Он посмотрел на своих лю-
дей: Борис точил кинжал; Марта показывала Тимуру звезду
Веги через самодельный визир; Лина тихо напевала какую-то
старинную песню о море...

Он положил руки на штурвал «Стрелы». Дерево было ста-
рым, отполированным тысячами прикосновений до гладко-
сти слоновой кости. Оно казалось живым под его ладонями.

Захар повернулся к Кузьме: «Мы готовы». Старик кивнул:
«Тогда снимай швартовы».

С глухим стуком канаты упали на причал. «Стрела» кач-
нулась на волнах свободы впервые за много лет молчания в
порту.

Глава 3. Проба сил и первый шторм.

Первые лучи солнца, пробившиеся сквозь редяющий туман, окрасили паруса «Стрелы» в жидкое золото. Старый баркас, еще вчера казавшийся Захару лишь грудой гнилого дерева, теперь выглядел иначе. Под руками Бориса, который всю ночь напролет стучал своим молотом на пристани, он обрел новую жизнь. Латки на обшивке, укрепленный такелаж и, главное, новый, гордо реющий на грот-мачте парус — всё это превратило «Стрелу» из портовой развалины в настоящий корабль, готовый к отплытию.

Захар стоял у штурвала. Дерево под его ладонями было теплым от утреннего солнца и шершавым от времени. Это чувство было пьянящим. Власть. Не грубая власть судьи Корнеева, основанная на страхе и законе, а живая, дышащая власть над стихией и судном. Он чувствовал легкую дрожь палубы под ногами — это просыпался двигатель корабля: шум волн, бьющихся о борт, скрип снастей и тугое гудение паруса, ловящего утренний бриз.

— Отдать швартовы! — скомандовал он, и его голос прозвучал неожиданно твердо и громко.

Тимур, уже успевший вскарабкаться на ванты с ловкостью обезьяны, развязал последний канат. «Стрела» медлен-

но, словно нехотя, начала отдаляться от причала. Городской пейзаж — серые склады, покосившиеся лачуги рыбаков и величественный особняк судьи на холме — медленно поплыл назад.

— Курс зюйд-вест! — раздался звонкий голос Марты. Она стояла на носу корабля, одной рукой опираясь на бушприт, а в другой сжимая отцовский секстант. Её рыжие волосы развевались на ветру как пламя. — Ветер попутный, но к полудню он сменится. Нужно успеть пройти мыс до того, как нас начнет сносить в открытое море.

Захар кивнул и крутанул штурвал. Баркас послушно накренился и лег на заданный курс. Борис, стоявший у мачты и проверявший натяжку канатов, одобрительно хмыкнул.

— А ты неплохо справляешься для сухопутной крысы, — прогудел он.

— Я вырос у моря, — ответил Захар, не отрывая взгляда от горизонта. — Я знаю его язык.

Первые часы плавания были похожи на сон. Море было спокойным, гладким как зеркало, и лишь легкая рябь от ветра нарушала его покой. Тимур носился по реям как ветер, проверяя каждый узел такелажа и крича сверху о том, как прекрасен мир с высоты птичьего полета. Кузьма сидел на бухте каната у борта и курил свою неизменную трубку, пускающая кольца дыма в небо.

Лина поднялась из трюма. Её бледное лицо казалось еще белее на фоне синего неба. Она несла в руках две глиняные

кружки с дымящимся отваром.

— Выпейте, капитан, — тихо сказала она, протягивая одну из них Захару. — Это мята и шиповник. Поможет от морской болезни и прояснит голову перед делом.

Захар с благодарностью принял кружку. Отвар был горячим и терпким.

— Ты сама это приготовила? — спросил он.

— Густав научил меня разбираться в травах не только для лечения кашля у богатых стариков, — уголки её губ тронула едва заметная улыбка.

Это был момент идиллии. Момент хрупкого равновесия перед бурей. Но море не прощает беспечности.

К полудню, как и предсказывала Марта, ветер начал меняться. Он задул порывисто, с разных сторон, заставляя паруса тревожно хлопать. Небо на западе начало темнеть, наливаясь свинцовой тяжестью.

— Погодите-ка... — Кузьма резко поднялся со своего места и принялся к ветру. Его единственный глаз сощурился. — Пахнет штормом. И не простым.

Захар посмотрел на горизонт. Там, где небо сливалось с водой, появилась темная полоса. Она росла с пугающей скоростью.

— Это не просто шторм... — прошептала Марта, опуская секстант. — Это шквальный фронт.

Ветер ударил внезапно и мощно. «Стрелу» резко накрепко набок так, что Захару пришлось всем весом навалить-

ся на штурвал, чтобы удержать судно от оверкиля. Палуба ушла из-под ног.

— Тимур! Спускайся! Живо! — заорал Захар.

Юнга уже скользил вниз по вантам, но шквал был быстрее. Новый порыв ветра ударил в парус с такой силой, что один из старых швов не выдержал. Раздался оглушительный треск разрываемой ткани.

— Парус! Парус порвало! — закричал Тимур, приземлившись на палубу и откатываясь к борту от катящегося по палубе бочонка с водой.

Всё смешалось в хаосе стихии. Хлынул ливень — не дождь, а сплошная стена воды, которая вмиг промочила всех до нитки и сделала палубу скользкой как лед. Волны выросли до высоты двухэтажного дома и начали бить в борт «Стрелы» с методичностью гигантского молота.

— Борис! К мачте! Нужно спустить остатки паруса! — скомандовал Захар сквозь рев ветра.

Кузнец не нуждался в повторении приказа. Он ухватился за канат такелажа своей огромной ручищей и потянул его вниз с нечеловеческой силой, помогая системе блоков опустить изорванный парус к палубе, чтобы он не работал как гигантский тормоз и не сломал мачту.

— Захар! Держи курс! На волну нужно идти носом! — голос Кузьмы был хриплым, но властным. Старик уже стоял рядом со штурвалом, одной рукой держась за нактоуз компаса для равновесия. — Если развернет боком — нам конец!

Килевая качка выдержит! Боковая — перевернет!

Захар боролся со штурвалом. Дерево вырывалось из рук, мокрое от дождя и собственного пота. Каждая волна пыталась развернуть «Стрелу», поставить её параллельно гребню, чтобы следующая водяная гора просто обрушилась на палубу и отправила их всех на дно.

— Я не могу удержать! Слишком сильно!

— Держи! Борись!

Внезапно Захар увидел её — гигантскую волну-шатун, которая шла не по ветру, а наперерез остальным. Она была черной у основания и увенчанной шапкой грязно-белой пены.

— ВОЛНА СЛЕВА! — заорал он что есть мочи.

Борис как раз отпустил канат мачты и обернулся на крик. Он увидел то же самое. Времени на раздумья не было.

— Ложись! — заревел кузнец голосом, способным перекрыть грохот самого моря.

Он метнулся к Захару и Марте (которая пыталась удержать свой драгоценный секстант), сбивая их с ног своим весом и накрывая собой как живой щит у борта наветренной стороны. В ту же секунду волна ударила.

Удар был подобен столкновению со скалой. Мир исчез в грохоте воды и треске дерева. Захар почувствовал, как его отрывает от палубы и подбрасывает вверх вместе с тоннами ледяной воды. Он успел лишь задержать дыхание перед тем, как его накрыло с головой. Всё вокруг стало зелено-черным хаосом пузырей и обломков.

Ему казалось, что прошла вечность, прежде чем он смог вынырнуть на поверхность, жадно глотая воздух пополам с соленой водой. Он был дезориентирован. Где верх? Где низ? Где корабль?

— Сюда! Капитан! Сюда!

Это был голос Тимура. Захар поплыл на звук и наткнулся рукой на обломок мачты или бочки (в темноте ливня было не разобрать). Тимур помог ему забраться на что-то плавающее — это оказался край перевернутой шлюпки или просто большой деревянный настил.

Рядом из воды вынырнула голова Бориса.

— Все живы? Марта? Кузьма? Лина?

Ответом ему был лишь рев ветра и шум волн.

Внезапно из темноты вынырнула еще одна фигура — это была Лина. Она плыла мощно и уверенно, одной рукой загребая воду, а другой прижимая к груди какой-то сверток или ящик — очевидно, свою драгоценную сумку с травами.

— Я здесь! Я цела!

Марта появилась последней. Она плыла тяжело, одной рукой держа над водой свой секстант в кожаном чехле.

— Мой секстант... Я должна спасти секстант... Без него мы заблудимся...

Борис подплыл к ней одним мощным гребком и без лишних слов подхватил её под мышку свободной рукой вместе с инструментом.

— Держись за меня! И за эту доску!

Постепенно все пятеро собрались вокруг импровизированного плота (как выяснилось позже, это была сорванная волной часть палубного настила). Они были живы, но ситуация была катастрофической. «Стрелы» нигде не было видно. Они были одни посреди бушующего моря посреди ночи (шторм принес с собой ранние сумерки), промокшие до костей и замерзшие.

Ветер начал стихать так же внезапно, как и начался. Ливень перешел в мелкую морось. Штормовой фронт прошел дальше на восток, оставив после себя лишь огромные пологие волны мертвого зыби да ледяной пронизывающий ветер.

Кузьма сидел на краю настила, молча курил свою трубку (каким-то чудом не потухшую) и смотрел вдаль единственным глазом так пристально, будто хотел прожечь горизонт взглядом.

— Ну что ж... — наконец проговорил он хрипло после долгого молчания. — Поздравляю вас с боевым крещением.

Захар сидел рядом с ним, обхватив себя руками за плечи в тщетной попытке согреться. Он чувствовал себя разбитым физически и морально. Их первое плавание закончилось катастрофой еще до того, как они покинули прибрежные воды.

— Мы потеряли корабль... Мы все умрем здесь... Это я виноват... Я не удержал штурвал...

Кузьма повернул к нему голову и ткнул чубуком трубки в грудь Захара.

— Закрой рот и слушай меня внимательно, салага! Ты

сделал всё правильно! Ты удерживал курс до последнего! Ты не струсил! Ты боролся со стихией как настоящий капитан! Корабль можно построить заново или найти новый! А вот нового капитана у нас нет!

Он обвел взглядом остальных членов команды: продрогшую Марту с её мокрым секстантом; могучего Бориса; дрожащего Тимура; невозмутимую Лину.

— Вы все выжили! Вы не бросили друг друга! Борис спас всех нас своим телом! Марта спасла инструмент для навигации! Лина спасла свои лекарства! Тимур первым нашел точку сбора! Вы действовали как единый организм!

Старик снова посмотрел на Захара:

— Запомни это чувство страха... И запомни чувство победы над ним тем фактом, что ты все еще дышишь. Это твой первый шторм. Он сломал многих. Но он же сделал из тебя капитана. Настоящего. Не того, кто читает книги, а того, кто чувствует свой корабль. Свою команду.

Захар поднял голову. Он посмотрел на своих товарищей. Они были измучены, но в их глазах он не видел упрека. Он видел усталость... но также видел что-то еще. Сплоченность. Они прошли через ад вместе. И выжили.

Он перевел взгляд туда, куда смотрел Кузьма. На горизонте, сквозь редеющую дымку, проступал темный силуэт. Это была земля. Не город. Не их дом. Но — твердая почва.

— Там остров... — тихо сказала Марта, всматриваясь вдаль через секстант, который уже успела протереть полкой

мокрой рубахи. — Небольшой... На картах он не отмечен... Но это лучше чем ничего...

Борис тяжело поднялся во весь рост (насколько это позволял узкий плот) и всмотрелся в горизонт: — Если там есть лес... я смогу сделать плот крепче этого... И мы сможем добраться до материка...

Лина молча достала из своей сумки сухую тряпицу (чудо логистики!) и протянула её Тимуру: — Вытрись насухо... И выпей это... Это отвар из корня имбиря... Чтобы не заболеть...

Тимур благодарно кивнул и принял кружку дрожащими руками.

Захар встал рядом с Кузьмой. Он чувствовал холод, но теперь это был просто холод тела. А тот ледяной ужас, что сковал его сердце во время удара волны, отступил. На смену ему пришла стальная решимость.

Он больше не был просто сыном рыбака, ищущим мести. Он был капитаном команды, которая выжила в своем первом шторме. Он посмотрел на каждого из них. На Бориса, чья сила была надежнее любого якоря. На Марту, чей разум был острее любого секстанта. На Лину, чьи руки могли исцелить любую рану. На Тимура, чья ловкость могла обойти любую ловушку. И на Кузьму, чей опыт был ценнее любого золота.

— Мы доберемся до острова... — твердо сказал Захар, его голос больше не дрожал. — Отдохнем... Починим то, что можно починить... И мы вернемся за «Стрелой». Или

построим новый корабль. Но мы не остановимся. Мы идем за Грюнвальдом. И никакой шторм нас не остановит.

Он протянул руку Кузьме. Старик посмотрел на неё секунду, а затем крепко пожал её своей мозолистой ладонью.

В этот момент Захар окончательно понял. Они больше не просто беглецы. Они стали экипажем. Связанными узами крепче стали, которые выкованы в горниле шторма. Их путь только начинался.

Подглава 3.1. Костяной берег и пробуждение джунглей.

Остров, который Марта заметила на горизонте, оказался гораздо ближе, чем можно было ожидать, но путь к нему превратился в отдельное испытание. Обломок палубы, на котором спаслись пятеро, был слишком мал и неустойчив, чтобы нести на себе вес Бориса. Кузнец, чье тело весило больше, чем весь остальной экипаж вместе взятый, вынужден был плыть рядом, подталкивая импровизированный плот. Он работал ногами с монотонным упорством живого двигателя, его дыхание вырывалось изо рта с хриплым свистом, а каждый гребок оставлял за ним пенный след в черной, остывающей воде.

Захар, сидя на скользком дереве, чувствовал себя беспомощным пассажиром. Он видел, как напрягаются мышцы на спине Бориса, как вода заливает его лицо при каждом вдохе, и эта картина жгла его изнутри сильнее, чем ледяной ветер. Это была его ответственность. Его корабль. Его команда. И сейчас самый сильный из них рисковал жизнью просто для того, чтобы доставить их до берега.

— Борис! — крикнул Захар, перекрывая шум прибоя. — Давай я сменю тебя! Отдохни!

Кузнец лишь мотнул мокрой головой, отфыркиваясь от

соленой воды.

— Не дури... капитан... Держи курс... — прохрипел он.
— Я... не сахарный... не растаю.

Марта, сидевшая на носу их утлого суденышка, всматривалась в темную полосу берега.

— Там рифы! — воскликнула она. — Я вижу буруны!
Прямо по курсу!

Захар вгляделся в темноту. Теперь и он видел — там, где невидимые коралловые зубы поджидали свою добычу, волны вскипали белой пеной, словно яростно сопротивляясь неизбежному столкновению с сушей.

— Лево руля! — скомандовал он. — Попробуем обойти с севера! Там течение уходит в море!

Маневр был рискованным. Смена курса означала, что Борису придется прикладывать еще больше усилий, борясь не только с волнами, но и с боковым сносом. Но выбора не было. Плот медленно повернул, огибая опасную зону. Лина и Тимур, прижавшись друг к другу в центре плота для сохранения тепла, молча наблюдали за происходящим. Тимур дрожал всем телом, но не от страха — от запоздалого шока и холода.

Спустя полчаса изнурительной борьбы с волнами их ноги наконец коснулись дна. Поначалу было так мелко, что им пришлось брести еще добрых сто метров по вязкому песку, прежде чем вода опустилась до пояса. Когда дно стало твердым и надежным, все пятеро просто рухнули на берег, не в

силах сделать больше ни шагу.

Пляж был странным. Это был не привычный золотистый песок, а сплошная россыпь чего-то белого и пористого. В предрассветных сумерках Захар не сразу понял, что это такое. Он зачерпнул горсть «песка» и поднес к глазам. В его ладони лежали мелкие осколки костей и обломки панцирей.

— Костяной берег... — прошептал Кузьма, который сидел на корточках у самой кромки воды и курил свою трубку. Табак каким-то чудом остался сухим в герметичном кисете. — Место, куда море выносит останки своих жертв.

Выбраться из зоны прилива было первой задачей. Впереди, за узкой полосой пляжа, возвышалась темная, монолитная стена джунглей. Оттуда доносился оглушительный стрекот цикад и крики невидимых птиц — резкие, тревожные звуки чужого мира.

Борис первым поднялся на ноги. Его огромная фигура отбрасывала длинную тень на светлый песок.

— Нужно уходить от воды, — прогудел он. — Найти место для костра и укрытие. Иначе к утру нас можно будет хоронить.

Его слова подействовали как команда к действию. С трудом встав на онемевшие от холода ноги, команда двинулась вглубь острова. Идти по костяному песку было тяжело — он хрустел под подошвами ботинок с неприятным звуком ломающихся веточек. Захар шел впереди, продираясь через первые заросли кустарника с мясистыми листьями.

Джунгли встретили их влажной, удушливой жарой и стеной непроницаемой зелени. Воздух здесь был густым и тяжелым, пропитанным запахами прелой листвы, экзотических цветов и влажной земли. Солнечные лучи едва пробивались сквозь плотный полог лиан и крон гигантских деревьев.

— Смотрите под ноги! — предупредила Лина своим тихим голосом. Она шла чуть позади Захара, внимательно осматривая почву. — Здесь могут быть змеи.

Тимур тут же подпрыгнул на месте и пошел дальше пощипочкам, чем вызвал сдержанную улыбку у Марты.

Через полчаса блужданий они нашли то, что искали: небольшую естественную прогалину у подножия скального выступа. Каменная стена защищала это место от ветра и служила отличным укрытием.

— Привал! — объявил Захар.

Борис тут же принялся за работу. Он нашел несколько сухих веток (чудо для тропического леса) и сложил их пирамидой.

— Мне нужно что-то для розжига, — сказал он.

Лина молча протянула ему небольшой кожаный мешочек из своей сумки.

— Сухой мох и волокна пальмы. Я собрала их по пути.

Кузнец высек искру кремнем, который всегда носил с собой на поясе (привычка из кузницы), и через минуту на поляне уже весело плясало пламя первого за эту ночь костра. Тепло от огня было подобно благословию. Все сгрудились

вокруг него, стягивая с себя мокрую одежду и развешивая её на ближайших ветках.

Пока одежда сохла, а люди отогревались, Захар решил провести ревизию их запасов. Результат был неутешительным: всё то небольшое из провизии и снаряжения, что они успели погрузить на «Стрелу», осталось на дне морском вместе с кораблем. У них не было ни еды (кроме горсти сухарей в сумке Лины), ни пресной воды (дождевая вода во флягах давно закончилась), ни одеял.

— Мы должны найти пресную воду и еду до заката солнца, — твердо сказал Захар. — Иначе мы здесь долго не протянем.

— Я могу поискать съедобные корни и ягоды, — предложила Лина.

— А я могу забраться на дерево или скалу и осмотреться сверху! — тут же вызвался Тимур.

— Хорошо, — кивнул Захар. — Вы двое идете на разведку ресурсов. Борис... нам нужно оружие. И нужно укрепить это место на случай... непредвиденных гостей.

Кузнец кивнул и взял из костра толстую, горящую ветку потолще в качестве факела.

— Пойду поищу подходящее дерево для копий. И камни для топора.

Марта всё это время сидела чуть в стороне от костра и методично протирала свой секстант кусочком мягкой замши.

— А ты? — спросил её Захар.

— Я останусь здесь с Кузьмой, — ответила она, не отрываясь от своего занятия. — Нужно пересчитать звезды и определить наше точное местоположение. Если мы хотим вернуться за «Стрелой», нам нужно знать координаты места крушения относительно этого острова.

Разделившись на группы, команда принялась за дело. Захар решил обследовать береговую линию к северу от их лагеря в надежде найти выброшенные морем обломки их корабля или что-нибудь полезное из груза «Морской ласточки».

Он шел вдоль кромки воды, внимательно глядя под ноги. Солнце уже поднялось достаточно высоко и начало припекать по-настоящему. Влажная одежда высохла прямо на теле неприятной коркой из соли и песка. Захар чувствовал усталость во всем теле после бессонной ночи и шторма, но заставлял себя идти вперед.

Вдруг его внимание привлекло что-то темное впереди у самой воды. Подойдя ближе, он увидел торчащий из песка кусок обшивки корабля. Это был фрагмент борта «Стрелы». Дерево было покорежено ударом о рифы или подводные скалы во время шторма. Рядом с ним в полосе прибоя колыхался какой-то тюк из грубой ткани.

Захар бросился к воде и вытащил его на берег. Ткань промокла насквозь и стала невероятно тяжелой. Разрезав веревки ножом (который он чудом сохранил в голенище сапога), он развернул тюк.

Внутри оказались инструменты плотника: несколько то-

поров разного размера (один из них был безнадежно испорчен ржавчиной от морской воды), пилы, долота и моток прочной просмоленной веревки. Это была невероятная удача! Инструменты Бориса были потеряны вместе с кузницей в городе. Теперь же у них снова было всё необходимое для работы по дереву.

Сложив находку на кусок обшивки как на санки (нести всё это в руках было бы невозможно), Захар потащил свою добычу обратно в лагерь. По пути он нашел еще несколько полезных вещей: пустую деревянную бочку (которую можно было использовать для сбора дождевой воды) и чудом уцелевший фонарь-«летучую мышь».

Когда он вернулся в лагерь, с грохотом свалив свою ношу на песок, Борис уже заканчивал мастерить первое копьё. Он нашел прямой ствол молодого деревца, очистил его от коры и обжег конец на огне, чтобы заострить его, а затем укрепил острие осколком острого камня, привязав его полосками коры, которые он сам надрал с ближайшего дерева.

Увидев инструменты, Борис издал радостный рёв, который больше походил на рев медведя: — Вот это подарок! Теперь дело пойдет быстрее!

К тому времени вернулись разведчики. Тимур спустился со скалы, возбужденный, размахивая руками: — Там река! Чистая пресная вода! И там... там есть следы! Крупные следы! Как от кабана или чего-то еще больше!

Лина молча протянула Захару горсть каких-то красных

ягод: — Это безопасно если есть понемногу. Они кислые, но утоляют жажду. И я нашла несколько съедобных корней. Их можно запечь.

Захар раздал ягоды команде. Каждый взял по одной. Он положил свою ягоду в рот. Вкус был терпким, кислым, но живительным. Сок освежил пересохшее горло.

К вечеру их лагерь стал похож на маленькую крепость. У входа были воткнуты два острых копья. Борис соорудил из веток и лиан примитивный каркас для шалаша, который должен был защитить от дождя. Марта закончила свои расчеты. Она подошла к Захару, который сидел у костра, уставившись в огонь: — Ну что, штурман? Что говорят звезды? — спросил он, не поворачивая головы.

Марта присела рядом. Она выглядела уставшей, но глаза её горели азартом: — Мы находимся примерно в сорока морских милях к юго-востоку от основного судоходного пути. Острова нет ни на одной из карт отца. Это значит, что капитаны обходят его стороной. И я знаю почему.

Она указала рукой на запад, где солнце уже касалось горизонта, окрашивая небо в багровые тона: — Течения здесь очень коварны. Они образуют гигантский круговорот, который затягивает всё, что попадает сюда. Мы как муха в паутине, Захар. Чтобы выбраться отсюда, нам нужен корабль. И очень хороший штурман.

Захар посмотрел на неё. В свете костра её лицо казалось высеченным из бронзы. Её рыжие волосы были спутаны, но

она держалась прямо, как королева. — У нас есть штурман, Марта. И у нас есть кузнец. У нас есть лекарь и юнга. И даже старый морской волк, который знает больше секретов, чем все адмиралы флота вместе взятые.

Он перевел взгляд на остальных. Борис точил новое копье. Тимур пытался сплести веревку из лиан. Лина перебирала свои травы, тихо напевая что-то себе под нос. Кузьма просто смотрел на огонь, попыхивая трубкой.

Захар снова посмотрел на Марту: — Мы выберемся отсюда. И мы найдем Грюнвальда. Потому что теперь мы не просто люди. Мы — экипаж.

Марта улыбнулась. Впервые за всё время их знакомства её улыбка была не грустной или задумчивой, а настоящей, открытой. Она ничего не сказала, просто кивнула.

В эту ночь впервые после крушения они спали — пусть не в тепле, но хотя бы в относительной безопасности. Укрытые навесом из веток, они лежали вокруг тлеющего костра, слушая звуки ночных джунглей: крики обезьян, уханье сов, далекий рев неизвестного зверя. Но теперь эти звуки не казались им угрожающими. Они были просто фоном жизни нового мира, который им предстояло покорить.

Подглава 3.2. Хозяева острова и тайна лагуны.

Три дня, проведенные на острове, превратили их из кучки потерпевших кораблекрушение в сплоченный, работающий как часы механизм. Утро четвертого дня началось не с рассвета, а с грохота. Тяжелого, утробного грохота, от которого, казалось, дрожала сама земля.

Захар вскочил первым, сжимая в руке недоделанное копье. Он спал у самого входа в шалаш, и его взгляд сразу уперся в массивную фигуру Бориса. Кузнец стоял на краю поляны, напряженный, как натянутая струна. Его огромные руки были пусты — он не успел схватить оружие.

В десяти шагах от него, на границе джунглей, возвышалось существо, при виде которого кровь стыла в жилах. Это был кабан, но таких размеров Захару не доводилось видеть даже в самых страшных байках портовых пьяниц. Его холка доставала Борису до груди. Темно-бурая щетина на загривке стояла дыбом, а из пасти, усеянной желтыми клыками длиной с ладонь взрослого мужчины, капала густая слюна. Маленькие, налитые кровью глазки зверя буравили человека с первобытной яростью.

— Не двигайся... — прошипел Захар, медленно поднимаясь на ноги и стараясь не делать резких движений.

Из шалаша за его спиной уже выбирались остальные. Тимур замер с открытым ртом. Лина тихо ахнула. Марта, мгновенно оценив ситуацию, потянулась за тяжелым камнем.

Вепрь хрюкнул — звук был похож на скрежет камней — и сделал шаг вперед. Он не боялся людей. Для него они были просто странными, безволосыми животными, вторгшимися на его территорию. Борис стоял неподвижно, словно скала. Он понимал: любое резкое движение станет сигналом к атаке.

— Борис... — снова прошептал Захар. — Медленно... Отступай к нам...

Кузнец чуть повернул голову. Его глаза встретились с глазами капитана. В них не было страха, только ледяная концентрация.

— Я не могу... — прогудел он так тихо, что Захар скорее прочитал по губам, чем услышал. — Если я повернусь спиной, он бросится.

Вепрь снова качнул огромной головой и фыркнул, обдав Бориса облаком пара и брызг. Это была последняя капля. Борис не стал ждать атаки. Он действовал на инстинктах, отточенных годами работы с раскаленным металлом.

С невероятной для его комплекции скоростью он присел и зачерпнул горсть песка с земли. В тот же миг зверь сорвался с места. Это был не бег, а сокрушительный таранный удар. Земля дрожала под его копытами.

Борис не стал уворачиваться или убежать. Он сделал то,

чего никто не ожидал: он бросился *навстречу* зверю. В последний момент он швырнул горсть песка прямо в маленькие злобные глазки вепря и упал на землю, перекатившись под брюхо чудовищу.

Захар уже был рядом. Он видел лишь мелькание бурой шерсти над головой друга и слышал яростный визг зверя, которому песок попал в глаза. Упустив основную добычу, вепрь попытался затормозить и развернуться на месте, чтобы поддеть клыками упавшую жертву.

— Тимур! Веревку! Живо! — заорал Захар.

Юнга уже был тут как тут. Он метнулся к куче снаряжения и схватил длинную лиану, которую плел накануне. В этот момент Борис, лежа на спине, ухватился за заднюю ногу зверя. Его пальцы сомкнулись на щетинистой шкуре с силой стального капкана. Вепрь взревел от ярости и боли, дергая ногой в попытке стряхнуть человека.

— Сейчас! — крикнул Захар.

Борис извернулся невероятным для его веса движением и накинул петлю лианы на переднюю ногу зверя прямо над копытом. Тимур тут же затянул узел. Вепрь дернулся, но было поздно. Борис вскочил на ноги и, используя инерцию движения животного, рванул лиану на себя и в сторону.

Огромная туша потеряла равновесие. С грохотом, от которого заложило уши, кабан рухнул на бок прямо у кострища. Он бился на земле, визжа и пытаясь подняться, но Борис уже оседлал его. Одной рукой он уперся в шею зверя, при-

жимая его к земле, а второй... второй он выхватил из костра тлеющее полено.

Запах паленой щетины ударил в нос. Вепрь взревел так, что с деревьев посыпались сухие листья. Борис ткнул горящим деревом прямо в чувствительный пяточок зверя.

Этого хватило. Получив ожог, кабан издал последний, полный боли и унижения визг и обмяк. Он не сдался — он просто понял, что эти странные двуногие слишком опасны для прямой схватки. Как только Борис ослабил хватку и отступил на шаг, зверь вскочил на ноги и, хромя на связанную ногу и мотая обожженной мордой, скрылся в чаще джунглей.

На поляне повисла звенящая тишина. Команда стояла неподвижно, глядя вслед исчезнувшему гиганту. Первым тишину нарушил Тимур:

— Вот это да! Борис! Ты... ты просто... ты его сделал!

Кузнец тяжело дышал. Его грудь ходила ходуном, а на лбу блестели капли пота. Он посмотрел на свои руки, потом на Захара.

— Кажется... я теперь знаю... из чего делать наконечники для копий... — выдохнул он с кривой усмешкой.

Этот инцидент изменил всё. Угроза стала осязаемой. Хозяева острова дали понять: это их дом. На следующий день Борис закончил работу над оружием: три тяжелых копья с обожженными и заостренными наконечниками из твердого дерева и два каменных топора. Захар настоял на том, чтобы организовать постоянное дежурство по ночам.

Но угроза со стороны джунглей была лишь одной стороной медали. Вторая открылась им благодаря неумолимому любопытству Тимура.

На пятый день юнга вернулся из разведки вдоль берега с совершенно дикими глазами.

— Я нашел! — выпалил он, едва переведя дух после бега по песку. — Я нашел лагуну! Там... там корабль!

Слово «корабль» подействовало на всех как удар молнии. Надежда вспыхнула с новой силой. Неужели удача наконец-то повернулась к ним лицом? Может быть, это «Стрела», выброшенная штормом в тихую заводь?

Не тратя времени на сборы (оружие у всех всегда было при себе), команда бросилась вслед за Тимуром на северную оконечность острова. Пробираясь пришлось через густые мангровые заросли по колено в соленой воде, рискуя наступить на ската или ядовитую мурену. Но когда они наконец продрались сквозь последнюю стену лиан, их взорам открылась картина такой красоты и величия, что все замерли в изумлении.

Перед ними лежала идеально круглая лагуна с водой изумрудного цвета. Высокие скалы окружали её со всех сторон, образуя естественный амфитеатр. Волны открытого моря разбивались о рифовый барьер где-то далеко впереди, оставляя внутреннюю акваторию зеркально гладкой и спокойной.

И там, в самом центре этой природной гавани, стоял он.

Это был не их баркас «Стрела». Это был настоящий корабль — изящная двухмачтовая шхуна с высокими бортами из темного дерева. Её паруса были убраны и плотно привязаны к реям. На корме виднелось название: «Морская дева». Корабль выглядел так, будто просто зашел сюда переждать непогоду или встать на якорь для мелкого ремонта.

Но что-то было не так.

— Слишком тихо... — прошептала Лина.

Захар поднес к глазам ладонь козырьком. На палубе не было видно ни души. Ни единого движения. Ни дыма из камбузной трубы.

— Может, они спят? Или ушли на берег? — предположил Тимур с надеждой в голосе.

— Нет... — Марта медленно покачала головой. Она смотрела не на корабль, а на воду вокруг него. — Смотрите...

Теперь это увидели все. Вода вокруг «Морской девы» была странного молочно-белесого оттенка у самой поверхности. А еще от борта корабля тянулись вниз толстые канаты... нет, не канаты. Это были гигантские щупальца или корни какого-то чудовищного растения. Они уходили глубоко под воду, впиваясь в дно лагуны как якоря.

— Что это за чертовщина? — пробасил Борис.

Захар почувствовал холодок между лопаток.

— Нам нужно подобраться ближе... Осторожно.

Они нашли узкую тропинку среди скал, ведущую к самой кромке воды прямо напротив корабля. Двигаясь бесшумно

(навык Тимура оказался здесь бесценным), они подобрались к берегу лагуны так близко, как только могли.

Теперь они были достаточно близко, чтобы рассмотреть детали. И детали эти были ужасающими.

«Морская дева» не стояла на якоре в привычном смысле этого слова. Она была *поймана*. Гигантские щупальца живого организма обвивали её корпус от ватерлинии до самой палубы. Они пульсировали слабым зеленоватым светом сквозь толщу воды и белесую муть вокруг корабля. Эта муть оказалась миллионами крошечных спор или икринок, плавающих в воде плотным облаком.

Но самое страшное ждало их на палубе.

Там были люди. Члены экипажа «Морской девы». Но они больше не были людьми в полном смысле этого слова. Их тела были покрыты той же светящейся зеленью, что и щупальца чудовища. Они стояли неподвижно у бортов или лежали на палубе в неестественных позах спящих богомоллов. Их кожа казалась полупрозрачной; сквозь неё проступали контуры костей и пульсирующие жилы симбионта.

Один из них медленно повернул голову в сторону берега. Его глаза были пустыми бельмами без зрачков.

Лина тихо вскрикнула и зажала рот рукой.

— Оно... оно использует их как кукол... Как сосуды...

Внезапно поверхность воды у борта корабля забурлила. Из глубины медленно поднималось нечто огромное, бесформенное. Это была голова или тело хозяина этих щупалец —

гигантская масса пульсирующей плоти размером с половину корабля, покрытая сотнями извивающихся отростков разной толщины.

Чудовище издало звук — низкий, вибрирующий гул, который ощущался всем телом как дрожь земли или басовая струна гигантской арфы.

В тот же миг все «окуклившиеся» матросы на палубе синхронно повернули свои слепые лица к берегу лагуны.

Захар почувствовал ледяной ужас. Они смотрели не *на* них. Они смотрели *сквозь* них или даже внутрь них своим внутренним зрением существа-телепата.

— БЕЖИМ! — рявкнул он голосом, не терпящим возражений.

Они неслись обратно через джунгли так быстро, как только могли, не разбирая дороги и спотыкаясь о корни. Позади них из лагуны доносился тот же низкий гул — звук чужеродного разума, который теперь знал об их существовании.

Выбившись из сил окончательно только у своего лагеря, они попадали на песок вокруг костра (Борис успел развести огонь по возвращении). Все молчали несколько минут, пытаясь отдышаться и осмыслить увиденное.

Первым заговорил Кузьма:

— Вот почему остров пустует... Это не просто рифы вокруг него... Это питомник...

Марта обхватила себя руками за плечи:

— Мы заперты здесь между двумя угрозами: дикие звери

снаружи... и это... это существо внутри лагуны.

Захар смотрел в огонь невидящим взглядом. Надежда найти готовый корабль разбилась вдребезги о реальность куда более страшную, чем шторм или кораблекрушение. Но вместе с ужасом в нем росла другая эмоция — холодная решимость капитана.

Он поднял голову и обвел взглядом свою команду: бледную Лину; потрясенного до глубины души Тимура; хмурого Бориса; сосредоточенную Марту; мудрого Кузьму.

— Мы застряли здесь надолго, — твердо сказал он голосом капитана корабля во время шторма — спокойным и уверенным вопреки всему хаосу вокруг. — Нам придется выживать здесь до тех пор, пока мы не поймем природу этого монстра или пока нас не заметит какой-нибудь проходящий мимо корабль вопреки течениям Марты.

Он встал во весь рост:

— Этот остров больше не будет нас пугать! Если это питомник зверей — мы научимся охотиться на них! Если это логово чудовища из лагуны... мы будем держаться от него подальше! Но мы превратим этот берег из места крушения в нашу крепость!

Борис медленно кивнул:

— Я сделаю нам копия получше... И частокол вокруг лагеря...

Тимур шмыгнул носом:

— Я буду разведывать пути... И найду самые безопасные

тропы...

Лина тихо добавила:

— Я соберу травы для заживления ран... И может быть... найду что-то против этой зеленой заразы...

Марта посмотрела на Захара:

— А ты?

Захар усмехнулся уголком губ:

— А я буду капитаном этого острова так же как был капитаном «Стрелы». Я поведу вас вперёд, потому что теперь наш дом здесь. И мы должны сделать всё, чтобы выжить.

Он бросил последний взгляд в сторону невидимой отсюда лагуны. И, хотя он этого не видел, ему показалось, что оттуда снова донесся тот самый низкий, вибрирующий гул. Но теперь этот звук уже не вызывал панического страха, а лишь напоминание о том, что их война за выживание только началась.

Глава 4. «Морской дракон» и кодекс чести.

Остров, ставший для них одновременно и тюрьмой, и школой выживания, медленно таял в утренней дымке за кормой. «Стрела» — их новое судно, собранное из обломков старого, обломков выброшенного на берег торгового брига и могучих стволов джунглей, сшитых воедино волей Бориса и знаниями Кузьмы — уверенно резала носом изумрудную волну. Это был уже не тот жалкий баркас, который Захар вывел из гавани в свой первый и последний рейс. Это был настоящий корабль, пусть и сшитый на живую нитку, но крепкий, быстрый и, главное, свой.

Пятнадцать дней они провели на острове. Пятнадцать дней борьбы с джунглями, охоты на кабанов (используя клыки того самого, первого гиганта для изготовления смертоносных наконечников) и постоянного страха перед тем, что таилось в лагуне. Но они выжили. Они стали сильнее. И теперь, когда на горизонте замаячил силуэт первого за долгое время паруса, Захар чувствовал не только жажду мести, но и холодный расчет.

— Справа по борту! — крикнул с мачты Тимур. Его зоркие глаза первыми заметили добычу. — Небольшой бриг! Одна мачта! Идет под всеми парусами!

Захар приложил ладонь козырьком ко лбу. Солнце било прямо в глаза, но он тоже увидел его. «Морской дракон». Так было написано на борту. Название звучало грозно, но сам корабль был скромным работягой — торговым судном, скорее всего, курсирующим между прибрежными городами с грузом тканей, специй или дешевого вина. Не военный фрегат, не галеон с сокровищами. Именно то, что нужно.

— Сближаемся, — скомандовал Захар, и его голос не дрогнул. — Тимур, следи за их маневрами. Борис, готовь abordажные крючья. Марта, держи нас на расстоянии выстрела из лука.

Кузьма, стоявший у штурвала рядом с капитаном, одобрительно крикнул и выпустил клуб дыма из своей неизменной трубки.

— А ты быстро учишься, парень. Идешь наперерез ветру. Они нас не ждут.

Это было главным преимуществом Захара. «Стрела» была легче и маневреннее неповоротливого торговца. Кроме того, Захар знал эти воды как свои пять пальцев. Он намеренно вел корабль так, чтобы зайти со стороны солнца, ослепляя противника.

На борту «Морского дракона» наконец заметили погоню. На палубе засуетились крошечные фигурки матросов.

— Они готовят пушку! — снова крикнул Тимур.

Захар нахмурился. Этого он не учел. Одно ядро могло разнести их хрупкую конструкцию в щепки.

— Уходим в мертвую зону! Кузьма! Право руля! Пусть думают, что мы испугались!

«Стрела» резко вильнула в сторону, уходя с линии прямого выстрела. С борта «Дракона» раздался глухой хлопок — ядро плюхнулось в воду далеко за кормой преследуемого судна.

— Ха! Мазилы! — радостно завопил Тимур.

Теперь игра пошла по правилам Захара. Он использовал течение и ветер, чтобы медленно, но верно сокращать дистанцию по широкой дуге. Торговец пытался уйти, меняя галсы, но это лишь замедляло его.

Когда расстояние сократилось до броска камня, Захар поднял руку.

— На абордаж!

Борис и Тимур метнули абордажные крючья. Стальные когти впились в фальшборт «Морского дракона», намертво связывая два корабля. В следующий миг Захар уже перепрыгивал через узкую полоску воды на палубу торгового судна. В руке он сжимал не меч (которого у них не было), а тяжелое копьё с костяным наконечником.

Палуба встретила его хаосом. Команда «Дракона» состояла из пяти человек: пожилой капитан с седой бородой, двое молодых матросов-помощников и пара грузчиков. Они были не воинами, а обычными работягами моря. Увидев перед собой не толпу головорезов с саблями, а одного молодого парня с копьём и следом за ним — огромного кузнеца с камен-

ным топором, они дрогнули.

— Стоять! — рявкнул Захар так властно, как только мог. Он не стал нападать. Он просто встал в боевую стойку, перекрывая путь к штурвалу. — Бросайте оружие! Никто не пострадает!

Один из молодых матросов попытался поднять багор, но Борис одним движением оказался рядом и просто наступил на древко ногой, вдавливая его в палубу. Матрос испуганно отскочил.

— Я сказал — бросить оружие! — повторил Захар еще громче.

Капитан «Дракона», до этого стоявший у компаса с видом обреченного величия, медленно положил руку на эфес шпаги... и так же медленно разжал пальцы. Шпага со звоном упала на доски палубы.

— Кто вы такие? — спросил он хрипло.

— Мы не пираты в том смысле, который ты вкладываешь в это слово, — ответил Захар. Он опустил копье, но не расслабился. На палубу уже спрыгнули Марта и Лина. Тимур уже хозяйничал на вантах их собственного корабля, отвязывая канаты для маневра.

Захар подошел к капитану вплотную.

— Мне нужны припасы. Пресная вода. Солонина. Мука. И порох с пулями для наших мушкетов.

— У нас груз шелка для госпожи Розенберг из порта Южный... — начал было капитан.

— Мне плевать на шелк! — отрезал Захар. Он обвел взглядом палубу. Это был честный трудяга-корабль. Он видел такие сотни раз в порту своего родного города. Грабить его было бы подлостью.

Он повернулся к своей команде:

— Борис! Лина! Осмотрите трюм! Нам нужны только припасы!

Борис кивнул и вместе с Линой спустился вниз по трапу.

— А что будет с нами? — спросил один из матросов дрожащим голосом.

Захар посмотрел на него. Обычный парень лет двадцати пяти. Такой же рыбак или сын ремесленника, как и он сам.

— Вы свободны. Мы заберем то, что нам нужно для выживания в море, и уйдем. Ваш корабль останется целым.

Из трюма донесся грохот передвигаемых ящиков и бочек. Через несколько минут Борис выбрался обратно на палубу. Он тащил на плече тяжелую бочку с пресной водой.

— Там внизу еще три таких же! И ящички с солониной! И мешок сухарей!

Лина вышла следом за ним, неся в руках небольшой деревянный ящик со знаком аптекарского креста на крышке.

— Аптечка... Бинты... И вот это... — она показала всем небольшой глиняный горшочек с плотной крышкой. — Это порох! Настоящий!

Тимур восторженно присвистнул:

— Теперь мы можем стрелять!

Захар кивнул Борису:

— Переносите всё ценное на «Стрелу». Быстро!

Пока кузнец и юнга занимались погрузкой (в основном переноса бочки с водой), Захар подошел к капитану «Дракона». Тот всё еще стоял у штурвала, наблюдая за происходящим со смесью страха и недоумения.

— Почему? — спросил капитан тихо.

— Что почему? — Захар проверял узлы на канатах бордажных крючьев.

— Почему вы нас отпускаете? Вы могли бы забрать всё: груз шелка, деньги из моей каюты... Вы могли бы продать нас в рабство или потребовать выкуп.

Захар выпрямился и посмотрел капитану прямо в глаза.

— Потому что мы не грабители могил и не убийцы невинных. Мой отец сидит на каторге по ложному обвинению богатого ублюдка по имени Грюнвальд. Я ищу справедливости для него. А справедливость не строится на костях честных людей вроде вас или ваших матросов.

Он сделал паузу и добавил чуть тише:

— У меня есть кодекс: мы не грабим бедных и не убиваем без крайней нужды. Сегодня вы беднее нас всех вместе взятых... потому что мы потеряли свой дом и корабль в шторме.

Капитан удивленно моргнул:

— Шторм? Неделю назад у мыса Ветров был страшный шквал...

— Это был он... Мы выжили чудом.

Захар протянул руку:

— Прощайте. И да хранит вас море.

Капитан секунду помедлил, а затем крепко пожал протянутую ладонь своей мозолистой рукой моряка.

Через десять минут всё было кончено. Канаты были перерезаны (Тимур справился с этим быстрее всех), и «Стрела», отягощенная добычей, начала медленно отходить от борта торгового брига.

С борта «Морского дракона» им вслед смотрели пять пар глаз. Они не махали руками и не кричали проклятий. Они просто стояли и смотрели на странную команду дикарей-идеалистов, которые взяли у них еду и воду, но оставили жизнь и корабль.

Когда расстояние между судами увеличилось до сотни метров, капитан «Дракона» наконец ожил:

— Эй! На корабле!

Захар обернулся:

— Да?

— Как вас зовут? Кого поминать в молитвах?

Захар усмехнулся:

— Скажите госпоже Розенберг из порта Южный, что её шелк прибудет вовремя... просто немного позже срока из-за непредвиденной задержки у мыса Ветров. А меня зовут Захар!

Он развернулся к своей команде:

— Курс зюйд-вест! Мы идем за Грюнвальдом!

Марта уже стояла у штурвала рядом с Кузьмой, сверяясь с самодельной картой из пальмового листа (на которой остров был отмечен как «Костяной берег»).

Борис деловито осматривал новый мушкет (трофейный), который они нашли в каюте капитана вместе с порохом.

Лина раскладывала свои новые медицинские принадлежности в углу их тесной каюты.

Тимур сидел на рее выше всех и смотрел вперед.

«Стрела» набирала ход под свежим ветром. В её трюме были еда и вода. На её борту была команда, проверенная штормом и выживанием на диком острове. И у этой команды был капитан с кодексом чести.

Они больше не были беглецами или жертвами обстоятельств. Они стали силой, с которой придется считаться.

Глава 5. Тень над Тортугой.

Порт Тортуга. Само это имя звучало как вызов закону, как пьяный смех в лицо любому таможеннику или королевскому судье. Для Захара и его команды, только что покинувших уединение «Костяного берега», этот город-порт казался ожившим мифом, местом, где реальность уступала место безумию.

Тортуга не была похожа на их родной, чинный порт с аккуратными причалами и строгими стражниками. Это был кипящий котел из дерева, парусины и человеческой плоти. Город расплзался по склонам холма, спускающегося к бухте, словно гигантский осьминог, чьи щупальца — причалы и пирсы — уходили далеко в воду. Сотни кораблей всех мастей и размеров теснились в гавани: от утлых рыбацких лодок до грозных галеонов с черными флагами. Воздух здесь был густым и тяжелым, пах не только солью и тухлой рыбой, но и жареным мясом, дешевым ромом, пороховым дымом и немытыми телами тысяч людей.

«Стрела» осторожно лавировала между стоящими на якоре судами. Захар стоял у штурвала, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Это был их первый визит в логово пиратов, и он не знал, чего ожидать — теплого приема или арбалетного болта в борт.

— Держи курс к дальнему причалу, — проскрипел Кузь-

ма, стоявший рядом. Его единственный глаз цепко сканировал толпу на берегу. — Там, где стоят шлюпки. Не будем бросать якорь в общей куче. Меньше глаз — меньше проблем.

Захар кивнул и переложил штурвал. Борис, облаченный в кожаный жилет (единственную вещь из гардероба бывшего капитана «Морского дракона», которая на него налезла), стоял у борта, сложив руки на груди. Его присутствие само по себе было лучшим аргументом в любой стычке. Тимур уже сидел на вантах, восторженно разглядывая город.

— Смотрите! Смотрите! Там драка! А там... там продают попугая! А это что? Это же настоящий капер!

Марта, стоявшая у бушприта с секстантом в руках (она не выпускала его даже на секунду), лишь покачала головой:

— Это не капер. Это просто головорез с каперским патентом, который давно истек. Здесь каждый второй мнит себя адмиралом.

Лина стояла в тени паруса, кутаясь в свой темный плащ. Она молчала, но её пальцы нервно теребили лямку сумки с травмами. Город давил на неё своей суетой и злобой.

Пришвартовавшись и договорившись с местным портовым мальчишкой (за пару медных монет и обещание не ломать ему руки) о том, что тот присмотрит за шлюпкой, команда сошла на берег.

Земля под ногами была твердой и благословенно неподвижной после недель качки. Но эта твердость вибрировала от шума. Со всех сторон их окружал гвалт: крики торговцев

рыбой и ромом, пьяный хохот из открытых дверей таверн «Сломанная сабля» и «Пьяный кальмар», звон стали со стороны импровизированных рингов, где моряки выясняли отношения, и непрекращающийся гул тысяч голосов.

Они шли плотной группой: Борис впереди как таран, прокладывающий путь через толпу; Захар и Кузьма по бокам; Марта и Лина в центре; Тимур замыкал шествие, постоянно оглядываясь по сторонам и успевая засунуть нос в каждую лавку.

Их целью была «Дохлая акула» — самая известная таверна на побережье. Именно там собирались капитаны, чтобы нанять команду или продать информацию. Именно там можно было услышать слухи о «Морской ласточке» и её капитане Грюнвальде.

Внутри таверны было еще хуже, чем снаружи. Дым от трубок и очага стоял такой плотной стеной, что казалось, его можно резать ножом. Запах стоял соответствующий: прокисшее пиво, блевотина (кто-то не добежал до выхода), пот и дешевый табак. В дальнем углу кто-то играл на расстроенной лютне похабную песню о русалках.

Борис бесцеремонно растолкал локтями двух пьяных матросов у стойки и грохнул кулаком по дубовой стойке так, что кружки подпрыгнули.

— Хозяин! Ром! И место для разговора!

Трактирщик — одноглазый старик с татуировкой змеи на шее — смерил взглядом сначала Бориса (и заметно поблед-

нел), а затем всю остальную компанию. Он молча поставил перед ними пять кружек с мутной жидкостью.

— Мы ищем человека, — начал Захар, когда все расселись за самым дальним и темным столом.

— Здесь все кого-то ищут, — буркнул трактирщик, протирая грязной тряпкой уже сухую кружку.

— Его зовут Грюнвальд. Капитан «Морской ласточки».

Внезапно в таверне стало тихо. Или это просто так показалось Захару из-за того, что музыка смолкла. Несколько голов повернулись в их сторону. Кузьма медленно выпустил колечко дыма.

— Грюнвальд... — протянул трактирщик странным тоном. Он наклонился ближе к Захару через стойку. От него пахло чесноком и ромом. — Парень, ты либо самый смелый дурак в этих водах... либо самый глупый мертвец. Зачем тебе этот ублюдок?

Захар переглянулся с Кузьмой. Старик едва заметно кивнул.

— Личное дело. Он подставил моего отца.

Трактирщик хмыкнул:

— Ну конечно. Личное дело... Слушай сюда, щенок. Грюнвальд больше не ходит под Веселым Роджером в одиночку. Он теперь птица высокого полета.

— Что это значит? — подала голос Марта.

— Это значит, что он нашел себе покровителя. Очень влиятельного покровителя.

В этот момент входная дверь таверны распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Внутри ворвался порыв свежего морского ветра... а вместе с ним вошли двое. Это были не пираты в лохмотьях. Это были люди в дорогой черной одежде с серебряной вышивкой. На поясах у них висели шпаги тонкой работы, а на лицах застыло выражение холодного презрения ко всему окружающему.

Толпа в таверне инстинктивно расступилась перед ними, словно вода перед носом галеона. Один из вошедших — высокий мужчина с тонкими усиками и шрамом через всю щеку — обвел зал тяжелым взглядом. Его глаза остановились на Захаре и его команде.

Он медленно подошел к их столу. Его движения были плавными и хищными.

— Я слышал вопрос о капитане Грюнвальде, — произнес он голосом гладким как шелк и холодным как сталь клинка. Акцент у него был странный, не местный. — Интересное любопытство для такой разношерстной компании.

Захар встал. Он был ниже незнакомца на полголовы, но смотрел ему прямо в глаза.

— Я задал вопрос трактирщику. Я не спрашивал тебя.

По залу пронесся тихий шепоток восхищения пополам со страхом.

Усмешка тронула губы незнакомца.

— Смелый. Мне это нравится... или нет? Зависит от того, насколько ты глуп. Грюнвальд теперь работает на меня.

Он перевозит мои грузы. Очень ценные грузы. И я очень не люблю тех, кто проявляет к ним излишнее любопытство.

Борис начал медленно подниматься из-за стола. Незнакомец даже не взглянул на него.

— Сядь, гора мяса. Я пришел не драться. Я пришел предупредить. Убирайтесь из Тортуги сегодня же. Забудьте имя Грюнвальда. Забудьте о своем отце... если хотите дожить до старости.

Он наклонился к самому лицу Захара:

— А если я увижу тебя снова... ты умрешь не от старости.

С этими словами он развернулся и вышел из таверны так же внезапно, как и вошел. Его спутник последовал за ним.

В зале повисла гробовая тишина. Затем кто-то нервно хихикнул, и жизнь потекла своим чередом, но для команды «Стрелы» мир изменился навсегда.

Они вышли из «Дохлой акулы» молча. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо над Тортугой в кроваво-красный цвет.

— Кто это был? — наконец спросил Тимур.

Кузьма сплюнул на песок тягучую табачную жижу.

— Это был Диего Сильва. Испанский гранд или кто-то вроде того. Ходят слухи, что он бывший инквизитор или тайный агент короны... который теперь торгует чем-то похуже пряностей. Опиум? Рабы? Темная магия? Никто не знает точно. Но все знают одно: он здесь главный. Он платит пиратам за защиту и дает им легкую добычу взамен на верность.

Захар сжал кулаки так, что побелели костяшки.

— Значит ли это... — начала Лина тихо.

— Да! — отрезал Захар резко оборачиваясь к ней и к остальным — Это значит что мы в ловушке! Грюнвальд спрятался за спиной этого Сильвы как последний трус! Но это ничего не меняет! Если мы хотим справедливости мы должны ударить по корню а не по веткам!

Он обвел взглядом свою команду: суровое лицо Бориса; внимательные глаза Марты; испуганное лицо Тимура; спокойное лицо Лины; мудрый прищур Кузьмы.

— Мы уходим из города прямо сейчас! Пока люди Сильвы не решили избавиться от нас просто для профилактики! Но мы вернемся! Мы найдем способ подобраться к этому испанцу! И тогда Грюнвальд заплатит за всё!

Они быстрым шагом направились обратно к пристани. Сумерки сгущались быстро, превращая узкие улочки Тортуги в лабиринт зловещих теней.

И тут это случилось.

Из бокового переулка вылетела стрела арбалета и с глухим стуком вонзилась в деревянный столб прямо над головой Бориса в миллиметре от его уха.

— В укрытие! — заорал Захар, выхватывая мушкет (тот самый, добытый с «Морского дракона»).

Из всех щелей и переулков начали появляться люди. Они были одеты в темное тряпье, лица их были скрыты платками или шляпами, но Захар успел заметить блеск стали в их

руках. Это были не простые головорезы из таверны — это были профессионалы Сильвы.

Борис взревел как раненый медведь и одним ударом каменного топора отбросил первого нападавшего назад в темноту переулка.

— К кораблю! Бегом! Я прикрою!

Тимур уже карабкался по веревке на борт «Стрелы», чтобы отвязать швартовы сверху. Марта схватила Лину за руку и потащила её за собой по причалу. Кузьма выхватил из-за пояса два кривых ножа (где он их прятал всё это время?) и встал спиной к спине с Захаром.

Захар вскинул мушкет и выстрелил почти не целясь в темную фигуру впереди. Вспышка огня на мгновение осветила перекошенное злобой лицо врага и отбросила его назад в воду.

Борис прорубал себе путь к сходням как живой таран. Двое наемников попытались зайти ему со спины, но Кузьма метнул один из своих ножей с невероятной точностью — клинок вошел одному из них прямо в плечо по самую рукоять.

Захар перезаряжал мушкет мучительно долго под лязг стали и крики Бориса: «ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ЕГО ТОПОРА!».

Наконец он снова выстрелил вверх по причалу, заставив еще одну фигуру нырнуть за бочки с ворванью.

— Борис! Уходи! На борт!

Кузнец услышал команду. Он одним прыжком преодолел последние метры до сходней («Стрела» уже начала медленно отходить от причала под действием отлива) и запрыгнул на палубу как раз в тот момент, когда брошенный кем-то кинжал звякнул о доски там, где он только что стоял.

Захар развернулся к Кузьме:

— Прыгай!

Старик оскалился:

— А ты?

Но Захар уже толкал его плечом:

— ПРЫГАЙ!

Кузьма потерял равновесие и рухнул прямо на руки Борису и Тимуру у борта.

Захар остался один на причале перед пятью наемниками Сильвы.

Он был один против всех правил здравого смысла.

Он поднял свой дымящийся мушкет как дубину:

— Ну? Кто первый?

Наемники переглянулись во тьме. Они видели бойню, которую устроил этот гигант-оружейник со своим другом-капитаном у таверны. Они видели точность старика-ножевика. И они понимали: этот парень тоже опасен. И самое главное — их цель была выполнена: они задержали их достаточно долго для...

Внезапно из темноты порта раздался низкий вибрирующий звук горна.

Наемники замерли как вкопанные. Затем они молча развернулись и растворились в тенях переулков так же быстро, как и появились.

Захар остался стоять один на опустевшем причале тяжело дыша Он слышал скрип снастей своей «Стрелы» которая уже отошла метров на десять от берега Он видел лица своих друзей освещенные светом фонаря Они смотрели на него с ужасом

Он поднял руку показывая что он цел а затем разбежался изо всех сил оттолкнулся от самого края деревянного настила...

Полет показался ему вечностью Он видел темные воды гавани приближающиеся снизу Затем последовал сильный удар о воду которая обожгла холодом после дневной жары Он ушел глубоко вниз но тут же сильными гребками устремился вверх

Его руки ухватились за свисающий канат Тимур тут же начал тянуть его вверх Через секунду Захар перевалился через борт мокрый тяжело дыша но целый

Борис хлопнул его по спине так что у того чуть дух не вышибло:

— Капитан! Ты сумасшедший! Но чертовски везучий сукин сын!

Марта протянула ему сухую тряпку:

— Ты мог погибнуть...

Лина уже копалась в своей сумке:

— Нужно растереться... иначе будет жар...

Кузьма лишь покачал головой выбивая трубку о борт:

— А я говорил тебе парень... Говорил... В этом городе слишком много теней...

«Стрела» вышла из гавани. Тортуги под покровом ночи. На её борту была команда, которая только что получила жестокий урок: мир оказался куда больше грязнее, чем они думали. Враги носили шёлка, а не лохмотья, а справедливость требовала не только храбрости, но и хитрости.

Но они были живы. Они были вместе. И они уходили в открытое море, чтобы зализать раны и придумать новый план, потому что отступить было нельзя.

Подглава 5.1. Шёпот в темноте и цена информации.

«Стрела» уходила в ночь, оставляя за кормой россыпь огней Тортуги, похожую на рассыпанные по черному бархату угли. Город не гнался за ними — он просто смотрел вслед, насмешливо подмигивая фонарями таверн и бортовыми огнями кораблей. Захар стоял на палубе, мокрая рубаха липла к телу, и холод, пробиравший до костей, был не только от морской воды. Это был холод осознания. Они столкнулись не с обычным морским разбоем, а с чем-то гораздо более глубоким, темным и организованным. С системой.

Кузьма подошел к нему неслышно, словно тень. Старик набил трубку, но не стал прикуривать, просто задумчиво вертел её в руках.

— Ну что, капитан, — хрипло проговорил он, глядя на исчезающие вдали огни. — Понял теперь, во что мы ввязались? Диего Сильва... Это не просто имя. Это приговор.

— Я понял одно, — Захар повернулся к старику, его глаза блеснули в темноте стальным огнем. — Мы не можем бить в лоб. Мы как дети с палками против крепостной стены. Нам нужно знать больше. Нам нужно понять, как работает эта «система» Сильвы. Где его слабые места.

Кузьма хмыкнул и наконец чиркнул огнивом, выпустив в

воздух колечко пахучего дыма.

— Информация... В таком месте, как Тортуга, она стоит дороже золота. Но и покупается она не за монеты. За неё платят кровью, страхом или... услугами.

— Услугами? — Захар нахмурился.

— Именно. Есть в этом гадюшнике один человек... Зовут его Кривой Сэм. Он держит лавку «Старый компас» в нижнем городе, у самого порта. Официально он торгует картами, секстантами и прочей навигационной дрянью. Неофициально... Он знает всё. Кто куда плывет, какой груз везет, кто кому должен и кто кого заказал. Он — паук в центре паутины слухов.

— И ты думаешь, он знает что-то о делах Сильвы?

— Он знает всё обо всех. Вопрос лишь в том, что он захочет рассказать и какую цену заломит.

На следующее утро «Стрела» бросила якорь в укромной бухте в паре миль к северу от Тортуги. Место было диким и безлюдным, окруженным отвесными скалами. Идеальное убежище для тех, кто не хочет быть замеченным. Команда сошла на берег небольшой шлюпкой. Борис остался на корабле — его присутствие могло спугнуть информатора или привлечь ненужное внимание головорезов Сильвы.

Нижний город Тортуги встретил их удушливой жарой и смрадом сточных канав. Это было царство бедноты: лачуги из гнилых досок, крытые пальмовыми листьями, шаткие мостки над зловонными лужами и толпы оборванных детей,

снующих под ногами в надежде на мелкую монету или кражу.

Лавка «Старый компас» оказалась именно такой, какой её описал Кузьма: приземистое строение с покосившейся вывеской, на которой медный флюгер в виде стрелки указывал то ли на север, то ли на юг — понять было невозможно из-за ржавчины.

Внутри царил полумрак и запах старой бумаги, пыли и воска. Стены были увешаны пожелтевшими картами с выцветшими чернилами. На полках громоздились астролябии, песочные часы и глобусы с пустыми местами там, где картографы еще не успели дорисовать новые земли.

За прилавком сидел человек. Вернее, полусидел в огромном кресле-каталке. Его ноги были укрыты пледом. Лицо его было изуродовано старым шрамом: левый глаз вытек, оставив после себя лишь сморщенный шрам на щеке, из-за чего он и получил свое прозвище.

— Чем могу служить честным мореходам? — проскрипел Кривой Сэм голосом человека, который слишком много курил и слишком мало спал. Его уцелевший глаз — маленький, черный и цепкий как у вороны — быстро пробежал по вошедшим: по Захару (оценивая), по Кузьме (узнавая), по Марте (с профессиональным интересом) и задержался на Лине (с легким недоумением).

— Нам нужна информация, Сэм, — без предисловий начал Кузьма, опираясь на прилавок. — О Диего Сильве.

В лавке повисла тишина. Было слышно, как за стеной жужжит муха. Кривой Сэм медленно перевел свой птичий взгляд на Кузьму. Его лицо не изменилось, но Захару показалось, что температура в комнате упала на несколько градусов.

— Опасные имена ты стал называть, старик, — тихо проговорил Сэм. — Очень опасные. Сильва не любит любопытных. Он их... утилизирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.